

“НИКТО не хотел умирать”, “Солярис” и “Мертвый сезон” - когда эти фильмы принесли артисту мировую известность и любовь зрителей. Сегодня же Донатас Банионис живет в небольшом литовском городе Паневежисе.

- В России думают так: каждое поколение призвано страдать и мучиться ради того, чтобы потомки - дети и внуки - стали счастливее. А литовский народ?

- Сложно давать ответ на философский вопрос. Конечно, у нас тоже люди считают, что для своих детей надо терпеть, надо о будущем думать. Но сегодня все рушится и на самом деле традиций уже нет никаких. Это было когда-то. Сейчас я не вижу ни-че-го. Эмиграция за эмиграцией, оккупация за оккупацией - все перемешалось, потерялись все критерии. Я сегодня не могу понять, что делается с молодежью: все бегут из Литвы. Бегут в Америку. Легально-нелегально там устраиваются, черт знает зачем! Понимаете, большевизм - страшное явление в том смысле, что это диктатура, которая уничтожила ВСЕ. Сколько невинных людей вывезено из Литвы, непонятно, почему и за что... В 40-м году, в 41-м, перед самой войной, страшно, что творилось, - я все помню. Потом после войны семьями загоняли в товарные вагоны. Я сам ходил, смотрел на вокзал со страху, что, может, и меня возьмут... Я сам думал бежать в Америку - не удалось.

- Жалеете, что не удалось?

- Нет, не жалею. Я рад, что остался. Работал в театре, потом признание пришло, много снимался... Все было хорошо. В 70-м году я первый раз приехал в Америку. Было сложно с разрешением, но мне все-таки его дали. Я объехал все основные литовские колонии, останавливался у своих знакомых, у которых учился, с которыми жил. Конечно, они там разбогатели по сравнению с нами, но стали уже полуамериканцами. Ушла из них интеллигентность, а ведь это были самые прогрессивные люди моего поколения! Они покупали домики в рассрочку, машины, а бежали-то в свое время в одних рубашках. Ну и что? Я видел, как они страдают... Теряются корни... Теперь-то этого никто не боится. Но что

“Кто-то ставит знак равенства между революцией и русским народом. Я не согласен!”

Донатас Банионис думал бежать в Америку. Не удалось

за народ после всех катаклизмов?

- А в годы вашей молодости каким был литовский характер?

- Такой спокойный, верный традициям. А как иначе: католическая страна, сильная религия, Бог, костел - все это было основой основ! Корни у всех нас были в деревне. А потом что случилось: раз с немцами жили и не воевали против них, то значит - враги русского народа, советского народа, еще какого-то! И в итоге: у моей супруги один брат сбежал в Америку, другой умер в лагере в Воркуте, отец отсидел 4 года тоже в Воркуте, еще два брата отсидели - один 4 года, другой 10 лет... Если в семье кто-нибудь туда попадал, то потом и все страдали. Так это было. Поэтому мы не можем ничего забыть...

- И среди русских много людей пострадало, но у литовцев все еще явно жива обида на русских.

- К сожалению. Я как раз, наоборот, ничего не могу сказать против. У русского народа глубокие культурные традиции, хотя их и ломали, как могли. Станиславский создал целую театральную школу - и мир ее признал. Или Достоевский, его тоже знают во всем мире. То же самое в живописи, драматургии... Русская культура дала

столько прогрессивного, и это никто не может отрицать! Но та политическая страшная революция - кто-то ставит знак равенства между ней и

русским народом. Я не согласен!

- Конечно, нельзя путать искусство и политику.

- Ни в коем случае! Было время, когда хотели обязательно подчинить политике искусство. Самые лучшие наши фильмы запрещались, резались, уничтожались. Я сам снимался в “Солярисе” у Тарковского - как трудно все ему давалось! Его прекрасный, один из лучших фильмов в мире “Андрей Руб-

лев” был запрещен коммунистами. И то, что уцелело, уцелело во-пре-ки большевизму в культуре!

- Действительно странно, ведь Тарковский делал все свои картины о Родине: и “Жертвоприношение”, и “Сталкер”, и “Рублев”...

- Да-а-а... Обвиняли фильм “Андрей Рублев” в том, что он - анти-русский, - как же так? Там же показаны страдания русского народа и других народов и то, что делает с художником власть. В общем-то понятно: просто в его фильмах не было “классового подхода”, и это “не совпадало” с тем, что было нужно для политиков. Но тех людей уже нет и в помине, а фильмы остались, и их смотрят.

- Тарковский пригласил вас на главную роль в “Солярисе”, в фильме о глобальной Родине, о Земле. Вы - литовский актер, он - русский режиссер, Бондарчук - украинка, Дворжецкий - поляк, Янвек - эстонец...

- Там есть только имена персонажей: Крис Кельвин, Хари, Сарториус... Андрей не подразумевал, что это будет какая-то одна национальность. Думаю, он делал это сознательно, чтобы не сказать, что только один народ встречается с каким-то неизвестным мозгом Вселенной - Солярисом. Но это не народ встречается с высшим разумом и хочет его изучить, а все человечество. А Солярис - выше всех и как будто говорит человеку: “Ты себя познавай, а не меня. Меня ты познаешь, когда поймешь, кто ты такой! Не о себе думай, а о том, почему покончила с собой твоя жена

Хари, об отце, о своей матери, о близких...”

Во время работы и когда вышел фильм, я не очень-то в нем разобрался. Это не поверхностный фильм, в нем все так глубоко, что чем дальше живешь, тем больше в нем находишь мыслей и философии, которые нужны сейчас и будут нужны всегда. С тех пор прошло много времени, мы все приобрели огромный жизненный опыт, мы стали свидетелями катаклизмов и войн, распада огромного Советского Союза и поняли, что все это временно. Не за это надо было держаться, не об этом страдать...

Арина АБРОСИМОВА

Фото Сергея ИВАНОВА

